

Светлов П. Я., прот. [Старокатолический вопрос в духовной печати за 1904 год:] К вопросу о соединении церквей и к учению о Церкви// Богословский вестник 1905. Т. 1. № 3. С. 481–517 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Старокатолическій вопросъ въ духовной печати за 1904 годъ. Къ вопросу о соединеніи церквей и къ ученію о Церкви.

III.

Qui nimium probat, nihil probat.

Въ небольшой статьѣ своей „О новомъ мнимомъ препятствіи къ единенію старокатоликовъ и православныхъ“ (*Богослов. Вѣстн.* 1903, май, и отд. 1—17) я высказалъ свои мысли и впечатлѣнія, вызванныя полемическими статьями проф. А. Гусева по старокатолическому вопросу и особенно его послѣднею статьєю (въ *Правосл. Собесѣдн.* 1903, съ № 1-го), съ цѣлью, между прочимъ, въ какой-либо мѣрѣ послужить поводомъ къ обмѣну мыслей и къ *всестороннему* обсужденію старокатолическаго вопроса въ духовной печати. каковымъ я не считалъ возможнымъ признать „почти единственный голосъ профессиональнаго богослова“ по старокатолическому вопросу, десять лѣтъ наполнявшій собою и своими отголосками пустоту въ духовной литературѣ по этому вопросу, среди общаго молчанія другихъ голосовъ. Это былъ голосъ проф. А. Гусева, и вопросъ обсуждался въ печати почти только подъ узкимъ угломъ его зрѣнія—криво и односторонне. Молчаніе другихъ голосовъ, кромѣ общихъ причинъ нашей молчаливости, я думалъ объяснить еще боязнью полемики проф. Гусева съ ея, столь выяснившимися теперь, ненаучными приемами... „Кому охота испытать на себѣ ихъ тяжесть“, писалъ я въ заключеніе своей статьи? „Но всякое доброе дѣло требуетъ жертвъ, служеніе же истинѣ и правдѣ—особенно“. Такимъ образомъ я заранѣе обрекъ себя на поношеніе, злословіе и клеветы правды

ради и потому появившіся въ *Правосл. Собес.* 1904, №№ 4—5 отвѣтъ А. Гусева, главнымъ образомъ, на вышеуказанную мою статью, не былъ для меня неожиданностью, а только подтвердилъ истину сказаннаго мною слова о необходимости жертвъ въ дѣлѣ свободнаго и безбоязненнаго обсужденія старокатолическаго вопроса, не взирая на сопряженныя съ нимъ непріятности полемики съ изступленными и избалованными молчаніемъ ревнителями вѣры, какъ бы присвоившими себѣ монополію въ дѣлѣ охраненія чистоты вѣры и церкви православной. „Послѣднее слово о старокатоличествѣ и его русскихъ апологетахъ“ А. Θ. Гусева (такъ называется его послѣднее „произведеніе“) было дѣйствительно послѣднимъ словомъ въ томъ грубо полемическомъ жанрѣ, видѣвшимся представителемъ котораго въ отечественной духовной печати всегда былъ, недавно умершій, профессоръ А. Гусевъ, далеко подвинувшій и усовершенствовавшій его особенно своею полемикою по старокатолическому вопросу. Въ „Послѣднемъ словѣ“ своемъ по этому вопросу А. Гусевъ особенно, что называется, постарался и превзошелъ самого себя. Я не буду марать страницъ своей статьи примѣрами крайней грубости и превосходящаго всякую мѣру неприличія послѣдней полемической статьи проф. Гусева—тѣмъ болѣе, что за меня эту черную работу охотно взяли на себя другіе, такъ она тщательно выполнена, напр., обозрѣвателемъ статей о старокатоличествѣ въ академическихъ журналахъ за 1904 годъ (*Христ. Ученіе* 1904, дек., стр. 867—872), который съ особенною старательностью въ изложеніи „Послѣдняго слова“ Гусева выписываетъ „забористыя“ мѣста его (конечно, не исчерпывая все-таки всего). Несоотвѣтствіе статьи А. Гусева требованіямъ корректной литературной полемики не укрылось даже отъ пріютившей ее редакціи *Православнаго Собесѣдника*, при всеї привычкѣ къ шероховатостямъ полемики въ духовно-періодической печати.

Статьѣ проф. А. Гусева предпослано слѣдующее примѣчаніе редакціи: „Вполнѣ соглашаясь съ положительной, принципиальной стороной дѣла и аргументаціей почтеннаго автора—полемиста, редакція возлагаетъ на послѣдняго отвѣтственность за *самый тонъ* трактата, печатаемаго, по желанію автора, *безъ всякихъ редакціонныхъ измѣненій*“. Въшней ли-

тературной стороною и своимъ общимъ тономъ статья Гусева, какъ видимъ, не удовлетворила даже его почитателей, сознанию которыхъ предносилась мысль о желательности здѣсь исправленій, но статья вполнѣ удовлетворила ихъ своею внутреннею стороною—высказанными въ ней взглядами и ихъ аргументаціею. Въ концѣ-то концовъ все-таки и редакціоннымъ примѣчаніемъ „Послѣднее слово“ А. Гусева рекомендуется намъ кучею мусора съ заключенными въ ней жемчужинами истинъ, которыя вполнѣ раздѣляетъ съ авторомъ редакция и ради которыхъ она оказала гостепримство статьѣ, въ литературномъ отношеніи неисправной и неудобной. Конечно, и я поэтому остановлю вниманіе свое только на этихъ жемчужинахъ въ полемическомъ мусорѣ „Послѣдняго слова“ или на существенномъ его содержаніи, представляя сколько угодно копаться въ мусорѣ обозрѣвателямъ печатаемыхъ противъ меня критическихъ статей въ отечественной духовной печати въ родѣ напр., *З.* „Вынужденное слово“, или *Л.* „Замѣтка скромнаго наблюдателя современныхъ нравовъ“ и другихъ подобныхъ наблюдателей, засоряющихъ духовную литературу „критическими“ произведеніями въ гусевскомъ жанрѣ. (*Труд. Кіев. дух. акад.* 1904, № 3 и 4, ср. того же обозрѣвателя *П. Лепорскаго* стр. 720—726 въ *Христ. Читаніи* 1904, ноябрь) ¹⁾...

¹⁾ Кромѣ дурного тона „Послѣднее слово“ отраяло на себѣ и еще другія обычныя отрицательныя черты критики А. Гусева, каковы: многорѣчивость, отступленія въ сторону, пустота содержанія, что вытекаетъ, кажется, изъ одной общей черты — недостаточнаго различенія существеннаго отъ второстепеннаго и одинаковаго вниманія „богослова-полемиста“ къ важному и къ мелочамъ. Въ рассматриваемой статьѣ поэтому мы встрѣчаемъ многое, неимѣющее никакого отношенія къ старокатолическому вопросу, напр.: рѣчи автора о своихъ учено-литературныхъ заслугахъ и успѣхахъ, сообщенія о личныхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ, выдержки изъ интимной переписки съ пріятелями и почитателями, разсужденія о некомпетентности П. Лепорскаго въ догматическомъ богословіи, принадлежащаго къ сторонникамъ проф. Гусева, а не къ „апологетамъ старокатолицизма“,—и развѣ можно перечислить все этому подобное и прослѣдить за порханьемъ неспокойной мысли автора? Одно скажу: на многихъ страницахъ подъ рядъ часто не находишь ни одной строчки по существу вопроса, заслуживающей разбора (см. напр. въ началѣ статьи апр. стр. 559—580, т. е. цѣлыхъ двадцать страницъ, которыя я принужденъ совершенно выкинуть изъ статьи, какъ хламъ, вслѣдствіе указанной причины...).

Справками не подтвердилось однако присутствіе чего-либо въ родѣ жемчужинъ въ „Послѣднемъ словѣ“ Гусева по старокатолическому вопросу и статью его приходится признать ничтожною не только съ внѣшней литературной, но и съ внутренней стороны. Ни въ какомъ случаѣ нельзя въ ней видѣть голосъ богословской и при томъ *православной* богословской науки по старокатолическому вопросу. „Послѣднее слово“ здѣсь проф. А. Гусева еще разъ только подтвердило справедливость высказаннаго мною мнѣнія о Гусевѣ, какъ о богословѣ-догматистѣ и полемистѣ, и о его старокатолической полемикѣ, какъ „темной полосѣ въ блестящей научно-апологетической дѣятельности проф. Гусева“ (*О новомъ мнимомъ препятствіи* брош. 8).

„Послѣднее слово проф. А. Гусева о старокатоличествѣ“ волею Божіею оказалось послѣднимъ словомъ всей его тридцатилѣтней литературно-богословской дѣятельности. ея заключеніемъ, своего рода „лебединою пѣснею“ Гусева; а потому естественно разбору названной статьи предпослать общее сужденіе о богословско-литературной дѣятельности проф. Гусева, окончательно завершившейся его „Послѣднимъ словомъ“, сказать о немъ слово, какъ о богословѣ вообще.

Память проф. А. Гусева достаточно почтили некрологами и надгробными рѣчами, въ коихъ руководствуются требованіями дружбы и чувства, правилами риторическаго искусства и обычаемъ, вошедшимъ въ силу закона, — „говорить объ умершихъ или хорошо, или ничего не говорить“ (*de mortuis bene aut nihil*). Поэтому неизлишними, можетъ быть, здѣсь будутъ нѣсколько словъ правды по требованію науки (—единственное требованіе, которымъ руководится наука!)..

Научно-богословская литературная дѣятельность проф. Гусева въ своемъ развитіи опредѣлялась общими условіями, въ которыя у насъ поставлено научно-богословское и религиозно-христіанское знаніе, и потому можетъ быть вполне правильно понята и оцѣнена только въ связи съ ними.

Религиозно-христіанское богословское знаніе образуется гармоническимъ сочетаніемъ и взаимодействіемъ двухъ началъ или составныхъ элементовъ: Божественнаго и человѣческаго. Божественнымъ элементомъ религиозно-христіанскаго знанія служитъ Божественное откровеніе, хранимое и преподавае-

мое Церковью въ видѣ основныхъ истинъ христіанскаго знанія (догматовъ), ученіе церкви; а человѣческимъ элементомъ въ знаніи является человѣческое научно - богословское раскрытіе и усвоеніе Божественныхъ истинъ вѣрующимъ разумомъ, выражаемое въ частныхъ богословскихъ мнѣніяхъ, въ богословскомъ умозрѣніи. Короче, Божественная истина, вѣренная церкви, и человѣческая личность вѣрующаго во всей полнотѣ ея духовныхъ силъ — вотъ то, изъ чего слагается наше христіанское знаніе. Гармоническимъ взаимодействіемъ или равновѣсіемъ двухъ элементовъ христіанскаго знанія создается идеальное состояніе послѣдняго; въ равновѣсіи этихъ началъ знанія, исключаящемъ подчиненіе одного другому или отрицаніе одного другимъ, заключается залогъ успѣянія научно-богословскаго знанія, главное условіе его нормальнаго развитія. Но великое зло начинается съ большимъ или меньшимъ нарушеніемъ равновѣсія между Божественнымъ элементомъ знанія, неподвижнымъ въ своей основѣ и абсолютно - истиннымъ (ученіе церкви, догматы), и элементомъ человѣческимъ, подвижнымъ и измѣняемымъ (богословствующій разумъ, богословская наука). Рѣзкимъ раздѣленіемъ этихъ элементовъ, какое въ теоріи предполагается и на дѣлѣ наблюдается въ протестантизмѣ, разумъ ставитъ себя въ независимое положеніе отъ Божественнаго авторитета Церкви и пролагается путь безграничному индивидуализму знанія, свободѣ безъ единства знанія. Обратное явленіе смѣшенія двухъ элементовъ христіанскаго знанія до поглощенія человѣческаго элемента Божественнымъ наблюдается въ латинствѣ, съ обычнымъ въ немъ стремленіемъ расширить сферу Божественнаго на счетъ человѣческаго, или догматовъ—на счетъ частныхъ богословскихъ мнѣній, что находитъ себѣ выраженіе въ смѣшеніи богословскихъ мнѣній съ догматами, въ заботѣ о единствѣ знанія въ ущербъ его подвижности, жизненности, разнообразія и свободы, въ стремленіи выдвигать начало преданія и авторитета въ ущербъ свѣжести и совершенствованія, искренности и жизненности знанія. Словомъ, вытравленіе живой познающей личности изъ познанія, ея вѣры, ея сердца и разума, есть прямое слѣдствіе второго, латинскаго, типа нарушенія равновѣсія двухъ элементовъ христіанскаго знанія. Естественно, что на латинскомъ богословіи въ особенности можно отчетливо наблю-

дать всѣ печальныя послѣдствія указаннаго обстоятельства для христіанскаго знанія и богословской науки, каковы: внѣшнее и механическое единство христіанскаго знанія, покупаемое дорогою цѣною жизненности, разнообразія, силы, искренности и свободы знанія, достигаемое путемъ противнаго духовной природѣ человѣческой личности и духу Евангелія внѣшняго давленія на мысль, угнетенія ея сложною системою дисциплины, дрессировки, репрессій, внѣшней регламентации; подозрительное отношеніе къ разуму въ богословіи и ложный страхъ передъ нимъ; недовѣріе и неуваженіе къ богословской наукѣ включительно до отрицанія ея и, въ крайнемъ развитіи зла, установленіе такого состоянія богословской мысли, въ которомъ вся ея производительность ограничивалась бы монотонною и однообразною репродукціею стараго съ неизбѣжными маленькими варіаціями. Такое состояніе означало бы смерть науки, и не подлежитъ сомнѣнію, что это не то состояніе, при которомъ сколько-нибудь возможно было бы исполненіе возложенной на христіанъ обязанности во всемъ приносить плодъ многъ (Ев. Іо. XV, 16), возрастать въ мужа совершенна (Еф. IV, 13), возрастать въ познаніи Бога, исполняться познаніемъ воли Его (Кол. I, 9—10; ср. 2 П. стр. III, 18) и т. д. ¹⁾. „Важнѣйшимъ и наиболѣе

¹⁾ „Слово Божіе не вяжется“ (2 Тиме. II, 9); „Кто можетъ возбавить слову?“ (Іова IV, 2). Однако есть учрежденіе, всю свою дѣятельностію назначенное къ опроверженію этой библейской истины о свободѣ слова чловѣка, который созданъ по образу и подобию Божественнаго Слова, высочайше разумнаго и свободнаго Духа. Противорѣчіе духовной цензуры духу и существу христіанской религіи, вредъ ея для вѣры, богословской науки и Церкви, ея неспособность къ выполненію даже прямой, поставленной ей и внѣшней для вѣры, цѣли охраненія церковно-гражданскаго режима или данныхъ отношеній государства и церкви.—все это съ достаточною полнотою, силою, основательностію и съ настоячивостію раскрывалось лучшими и несомнѣнно преданными сынами отечества и представителями русскаго народа въ лицѣ его писателей и публицистовъ не только въ свѣтской печати (Пушкинъ, Некрасовъ, Салтыковъ, Чичеринъ, Достоевскій, Катковъ, Неплюевъ, Соловьевъ и мн. др., а изъ славянофиловъ особенно Хомяковъ, Самаринъ, Аксаковъ, Кирьевъ), но даже и въ духовной печати, наиболѣе пришибленной. Къ настоящему времени, особенно по отношенію къ религіозному слову, необходимость освобожденія слова отъ узъ цензуры, ея полной отмѣны или, по крайней мѣрѣ, радикальнаго преобразованія признана всѣми мыслящими и живыми людьми съ небывалою досель ясностію и силою.

нагляднымъ симптомомъ разсматриваемаго зла служить, обыкновенно, тотчасъ же вызываемое имъ неравномѣрное распредѣленіе энергіи богословской мысли, наличнаго ея запаса

Свобода слова, эта врожденная отъ природы потребность нашего свободно-разумнаго духа, созданнаго по образу Божію, и въ то же время потребность искренней и дѣйствительной вѣры (2 Кор. VIII, 7; Римл. X, 10; Мѣ. XII, 34; Псал. СХУ, 1; 2 Коринѣ. IV, 13—14, ср. Дѣян. Ап. III 12—26; IV, 1—20 и др.), теперь стала уже неотложною потребностью нашего духовно-созрѣваго времени, неудовлетвореніе которой сопряжено теперь было бы съ большими опасностями для мирнаго роста и преуспѣванія русскаго государства на пути культуры. Слава Богу! Навстрѣчу этой глубокой нужды и потребности русскаго народа нынѣ идутъ предначертанія Высшей Власти, выраженной въ Высочайшемъ указѣ Правительствующему Сенату о мѣропріятіяхъ къ усовершенствованію государственнаго порядка, отъ 12 декабря 1904 года, гдѣ 8-мъ пунктомъ Высочайше повелѣвается *„устранить изъ нынѣ дѣйствующихъ о печати постановленій излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные законамъ предѣлы, предоставивъ тѣмъ отечественной печати соотвѣтственно успѣхамъ просвѣщенія и принадлежащему ей вслѣдствіе сего значенію — возможность достойно выполнять высокое призваніе быть правдивою выразительницею разумныхъ стремленій на пользу Россіи“*. Съ высоты Престола *излишнія стѣсненія* печати и *произволъ стражей ея* (цензуровъ) признаны нынѣ препятствіемъ къ „достойному выполненію высокаго призванія печати быть *правдивою* выразительницею разумныхъ стремленій на пользу Россіи“, особенно, конечно, — тѣхъ, которыя исходятъ отъ христіанской вѣры и Церкви, а „правдивость“ или искренность слова, невозможныя безъ свободы, нынѣ нашли Высочайшее признаніе въ приведенныхъ многознаменательныхъ словахъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ нынѣ *Россія объявляется созрѣвшею въ культурномъ отношеніи до правдиваго свободнаго слова и заслужившею довѣріе правительства*, что было, можетъ быть, преждевременнымъ прежде, напр. во времена Пушкина, признававшаго въ принципѣ цензуру въ Россіи пока нужною и ограничивавшагося весьма скромными даже для того времени пожеланіями:

Что можно Лондону, то рано для Москвы...

Будь строгъ, но будь уменъ. Не просить у тебя,
 Чтобъ, всё законныя преграды истребя,
 Все мыслить, говорить, печатать безопасно
 Ты нашимъ господамъ позволилъ самовластно
 Но скромной истинѣ, но мирному уму
 Не заграждай пути заставой своевольной.
 И если ты въ плодахъ досужаго пера
 Порою не найдешь великаго добра,
 Когда не видишь въ нихъ безумнаго разврата,
 Престоловъ, алтарей и нравовъ сущостата.

въ богословіи, по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія. Весьма замѣтенъ приливъ ея къ тѣмъ отраслямъ богословскаго знанія, гдѣ личность, насколько это возможно, выступаетъ мало или неясно, не выпукло, гдѣ она, какъ напр., въ церковной исторіи, археологіи, патристикѣ и т. п. прячется за фактами и болѣе или менѣе успѣшно спасаетсяъ за ними отъ опасности быть узнавнкою... Наблюдается явный отливъ богословской мысли и лучшихъ ея силъ отъ тѣхъ сферъ научно-богословскаго знанія, гдѣ по самому существу дѣла скрыть и спрятать личность бываетъ невозможно, гдѣ она волею неволею должна выступить на свѣтъ. Это та важнѣйшая область знанія, тотъ центръ обширнаго круга богословскаго знанія, къ которому сходятся и направляются всѣ многочисленные радіусы его, всѣ отрасли богословія. Центромъ этимъ несомнѣнно служатъ такія науки, какъ богословіе догматическое, нравственное, философія религіи, имѣющія своею задачею разработку и изъясненіе положительнаго содержа-

То славы автору желая отъ души,

Махни, мой другъ, рукой и смѣло подпиши.

Несомнѣнно, скоро свѣтская печать увидитъ лучшіе дни, и близость ихъ чувствуется уже и теперь; но будетъ ли то же и съ духовною печатью? Свѣтская печать уже испытала на себѣ, въ скромныхъ предѣлахъ пожеланій Пушкина, благотѣльное дѣйствіе реформы цензурнаго устава (см. ст. 22 и 23 *Уст. о ценз. и печати*. Т. XIV, изд. 1890), но духовная печать, тогда обойденная реформою, находится въ ужасномъ до-реформенномъ состояніи пушкинскихъ временъ, такъ что духовное писательство нынѣ еще тяжелѣе свѣтскаго. Будемъ надѣяться, что хоть теперь, при пересмотрѣ устава о цензурѣ и печати, вспомнятъ много-страдальную духовную печать въ ея скромномъ, но великомъ служеніи „на пользу Россіи“ содѣйствіемъ ея духовно-нравственному просвѣщенію, безъ коего невозможно культурное преуспѣваніе и общественное благо народовъ. (См. къ оцѣнкѣ спеціальной духовной цензуры съ религіозно-христіанской и научно-богословской точки зрѣнія, кромѣ ст. автора „Ученіе Церкви и богословствующій разумъ“, еще въ друг. соч. его: „Идея царства Божія въ ея значеніи для христіанскаго міросозерцанія. Богословско-апологетическое изслѣдованіе“. Сергіевъ посадъ 1904, гл. II, стр. 56—67; гл. IX, стр. 321—324, 455—457; введ. стр. 25: *Курсъ словогетическаго богословія*. Кіевъ 1900, стр. 397). Прекрасно сказано глубокомысленнымъ и вѣрующимъ поэтомъ нашимъ А. К. Толстымъ:

Надъ вольной мыслью Богу неугодны

Насиліе и гнѣтъ:

Она, въ душѣ рожденная свободно,

Въ оковахъ не умретъ.

(„Іоаннъ Дамаскинъ“).

нiя христіанской религіи, выработку цѣльнаго христіанскаго міросозерцанiя, уясненіе и раскрытіе христіанскаго идеала жизни и знанiя“¹⁾. Такъ писалъ я десять лѣтъ тому назадъ. Увы, обстоятельства съ тѣхъ поръ нисколько не измѣнились къ лучшему въ условiяхъ и положенiи нашей религіозно-христіанской мысли и православно-богословской науки! Сложившимися условiями нашей религіозно-богословской мысли наше богословіе поставлено въ то положеніе, въ которомъ богословская мысль *легче*, безъ препятствiй, можетъ работать и развиваться, а живая энергія личности находитъ себѣ нѣкоторое примѣненіе въ одномъ только охранительномъ направленiи, въ охраненiи стараго безъ движенiя впередъ его усовершенствованiя... Къ этому минимуму свелось все религіозно-христіанское знаніе, вся работа религіозно-богословской мысли! Это печальное обстоятельство положило свой особый отпечатокъ и на той отрасли богословскаго знанiя, въ которой выступилъ съ самаго начала проф. А. Гусевъ. „Однимъ изъ важныхъ симптомовъ разсматриваемой болѣзни“, писалъ я, „служить, между прочимъ, большее или меньшее превращеніе апологетики въ полемику по причинѣ перевѣса полемическаго или отрицательнаго метода въ ней надъ положительнымъ, чрезмѣрное развитіе литературы апологетико-полемической въ ущербъ прямымъ интересамъ апологетики. Очевидно, полемическая или отрицательная форма апологетики, при появленiи разсматриваемаго зла, отвѣчаетъ нѣкоторымъ потребностямъ богословской мысли: за нея легче прячется у иныхъ индивидуальность, у большинства — пустота мысли. Въ послѣднемъ случаѣ полемика—лишь средство самосохраненiя мысли, не имѣющей въ себѣ самой жизни, содержанiя, и цѣпляющейся, подобно паразиту, для своего существованiя за чужую мысль. Мысль, пробавляющаяся отрицанiемъ чужихъ мыслей извѣстнаго рода, перестала бы существовать съ прекращенiемъ послѣднихъ. Левъ Толстой и ему подобные являются поставщиками пищи для такой мысли и въ буквальномъ смыслѣ служить ея *кормильцами*“²⁾...

¹⁾ „Ученіе Церкви и богословствующій разумъ въ религіозно-христіанскомъ знанiи“—въ *Христ. Ученіи* 1895 г., вып. VI, стр. 413—441. (Въ отд. оттискѣ см. указ. мѣсто на стр. 9).

²⁾ „Ученіе Церкви и богословствующій разумъ въ религіозно-христіанскомъ знанiи“ стр. 9—10.

Въ приведенныхъ строкахъ, посвященныхъ характеристикѣ современнаго состоянія у насъ апологетики и богослововъ—апологетовъ, проф. А. Гусевъ, какъ онъ далъ мнѣ знать, узналъ самого себя, отнеся ихъ лично къ самому себѣ, хотя я и не имѣлъ въ виду именно его лично, его одного. Среди богослововъ-апологетовъ, обладающихъ литературными талантами и знаніемъ, не рѣдкость встрѣтить такихъ, для которыхъ Филаретъ, Сильвестръ и Макарій служатъ границами православно-богословскаго знанія и христіанскаго разумѣнія.

Пустота положительнаго содержанія, бѣдность и короткости богословской мысли, безъидейность и довольство старымъ и чужимъ—это типическая особенность научно-литературной апологетической дѣятельности большинства богослововъ въ указанныхъ неблагоприятныхъ для нея условіяхъ, естественно предпочитающихъ идти болѣе легкимъ путемъ, т. е. проторенною широкою дорогою рутины и традиціи. Въ этой особености отечественной нашей апологетики, бѣдной творчески-созидательною и положительною мыслью, находится ключъ къ пониманію всей литературно-апологетической дѣятельности также и проф. А. Гусева.

Соотвѣтственно степени и силѣ проявленія этой основной черты богословствованія проф. Гусева вся его литературно-богословская дѣятельность распадается на три періода въ порядкѣ нисходящаго достоинства. Первый періодъ наиболее плодотворной и блестящей научно-богословской литературной дѣятельности А. Θ. Гусева обнимаетъ собою время сотрудничества, главнымъ образомъ, въ приснопамятномъ *Православномъ Обозрѣніи* (70-е годы и 80-е до 1886 г.), время борьбы съ позитивизмомъ, матеріализмомъ, со „лгущею ученостью“, съ русскимъ реализмомъ и т. п. направленіями мысли на почвѣ правильнаго истолкованія фактовъ естествознанія и ихъ отношенія къ философіи и христіанской религіи. Въ такихъ рамкахъ литературно-богословской дѣятельности не существовало повода къ проявленію указанной типической черты богословія А. Θ. Гусева,—бѣдности положительнаго содержанія его богословско-христіанской мысли: дѣло шло, какъ видѣли, не о положительномъ раскрытіи и выясненіи истинъ христіанства, а о соглашеніи его съ наукою. Поэтому-то за все послѣдующее время нашъ богословъ не могъ дать намъ ничего уже лучше прекрасныхъ ста-

тей этого періода, какъ: „Натуралистъ Уоллесъ и его русскіе переводчики“, „Папизмъ въ наукѣ“, „Фиктивный союзъ матеріализма съ естествознаніемъ“ и др. под. статей.

Открытіемъ полемики съ гр. Л. Н. Толстымъ и съ толстовщиною (съ 1886 г. до половины 90-хъ годовъ) открылся вмѣстѣ съ тѣмъ новый періодъ въ литературно-богословской дѣятельности Гусева и обозначилось движеніе ея внизъ по наклонной плоскости охранительнаго пути богословствованія, пути легкаго, безопаснаго и широкаго, но и идущаго обычно въ сторонѣ отъ науки и не ею проложеннаго. Слабое въ положительной своей сторонѣ въ смыслѣ религіозно-философской доктрины или опыта положительнаго изъясненія христіанства, толстовщина имѣла однако свой *raison—d'être* въ своей критической сторонѣ, являясь беспощадною критикою ложнаго христіанства, его богословія и многихъ золъ и нестроеній въ нашей церковно-религіозной жизни. Она имѣла себѣ оправданіе въ добрыхъ стремленіяхъ къ правдѣ и свѣту, къ обновленію жизни Евангеліемъ и въ протестѣ противъ всего мнимо-христіанскаго въ жизни и знаніи. Навстрѣчу этому общественному теченію съ его жаждою истиннаго христіанскаго свѣта и христіанскаго слова проф. Гусевъ выступилъ со словомъ сплошнаго отрицанія и порицанія всего толстовскаго движенія, въ полномъ безсиліи повяты и удовлетворить выражаемые имъ духовные запросы общества; для него было еще священно и безусловно истинно то, что для другихъ становилось мертвою схоластическою мудростью, а не свѣтомъ Христовымъ. На толстовствѣ особенно ясно сказалась одна изъ наиболѣе распространенныхъ причинъ невѣрія или такъ называемыхъ религіозныхъ недоумѣній и возраженій противъ догматовъ христіанства. Невѣріе очень часто бываетъ обратной стороною ложной вѣры и смѣшенія плскаго богословія съ самимъ христіанствомъ и истинно-христіанскимъ богословіемъ, когда возраженія противъ истинъ христіанской вѣры создаются и поддерживаются неудовлетворительнымъ изложеніемъ ихъ въ богословіи. Это случилось и съ гр. Л. Толстымъ, который богословіе Макарія смѣшалъ съ богословіемъ церкви и съ самимъ православіемъ въ своей „Критикѣ догматическаго богословія“: это была критика только Макарія, а не богословія и православной догматики вообще, и здѣсь была основная роковая

ошибка Л. Н. Толстого, повліявшая на его отношенія къ Церкви. Въ своей критикѣ Л. Толстого нашъ богословъ-апологетъ стоялъ на одной съ нимъ почвѣ отождествленія традиціоннаго и господствующаго богословія съ истиннымъ православно-христіанскимъ богословіемъ, какимъ оно должно быть. Здѣсь съ достаточною яркостью обнаружилась указанная выше основная черта богословія А. Θ. Гусева—бѣдность положительнаго содержанія и оригинальной богословской мысли, короче сказать—его односторонній консерватизмъ. Защита христіанства поэтому не рѣдко здѣсь сливалась съ защитою богословія въ господствующемъ его теченіи.

Третій и послѣдній періодъ литературной дѣятельности А. Θ. Гусева былъ періодомъ рѣзкаго и полнаго выраженія односторонне консервативной тенденціи его богословія, а вмѣстѣ съ тѣмъ сплошь „темною полосою“ въ его литературно-богословской дѣятельности; онъ обнимаетъ собою полемику по старо-католическому вопросу, начавшуюся, если не ошибаюсь, статью въ 1896 и закончившуюся „Послѣднимъ словомъ“. Старокатолическій вопросъ представлялъ самый удобный случай къ особенно яркому обнаруженію основной черты богословія Гусева предложенною старо-католиками формулою условій своего соединенія съ православною церковью на почвѣ только догматовъ древне-нераздѣленной Церкви безъ всякой примѣси къ нимъ человѣческихъ мнѣній въ видѣ школьныхъ богословскихъ ученій и такъ наз. частныхъ богословскихъ мнѣній. Самъ собою устанавливался этимъ тщательный пересмотръ всего наличнаго содержанія нашихъ православныхъ вѣрованій въ цѣляхъ отдѣленія въ нихъ догматовъ отъ школьныхъ богословскихъ мнѣній. Тутъ то и сказалось со всею ясностью слабая сторона того богословскаго направленія, яркимъ представителемъ которой былъ Гусевъ: смѣшеніе всего даннаго наличнаго содержанія вѣрующаго сознанія, какъ оно выразилось въ нашемъ господствующемъ или официальномъ богословіи, безъ различія догматическаго отъ недогматическаго, съ самимъ православіемъ, съ вѣрученіемъ православной церкви. Здѣсь корень всей старокатолической полемики Гусева. ея страстнаго, раздражительнаго и нетерпимаго тона: нашъ богословъ сознавалъ себя по чистой своей совѣсти защитникомъ и спасителемъ православной вѣры во всей ея цѣлост-

ности, такъ имъ понятой, отъ опасности расхищенія и умаленія ея въ чемъ-либо уступками старокатолицизму, который естественно представлялся ему отрицаніемъ догматовъ тамъ, гдѣ дѣло шло только о привычныхъ школьно-богословскихъ мнѣніяхъ. Въ сознаніи Гусева старокатолицизмъ отождествился съ грозною опасностью для православія, а его сторонники—съ предателями православной церкви. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого явилось въ концѣ концовъ превращеніе научной спокойной полемики въ неимѣющее ничего общаго съ нею дѣло чрезмѣрной ревности о вѣрѣ, и спокойная убѣдительная рѣчь ученаго смѣнилась страстными и раздражительными рѣчами фанатической нетерпимости. Все выше и выше поднимался нетерпимый тонъ обличительныхъ рѣчей проф. А. Гусева, пока наконецъ не оборвался на самой высокой нотѣ раздражающимъ уши воплемъ крайней ревности о православіи и призывомъ къ его спасенію отъ грозящихъ ему опасностей со стороны „старокатоличества и его русскихъ апологетовъ“... Этимъ воплемъ явилось „Послѣднее слово“, эта „лебединая пѣсня“ въ литературно-богословской дѣятельности А. Гусева! Печальная пѣсня, печальный конецъ!

Литературная карьера А. Θ. Гусева началась статью его о свободѣ совѣсти и слова, а закончилась воплемъ о „загражденіи усть“! ¹⁾ Какая печальная метаморфоза,—тѣмъ болѣе, что она не случайная и не единственная! Довольно напомнить объ Аскоченскомъ.... Гусевъ былъ только одною изъ многихъ жертвъ общихъ печальныхъ условий нашей религіозно-богословской мысли и слова. Литературный талантъ, трудолюбіе, знанія, начитанность и святой огонь стремленія къ правдѣ, ревность о вѣрѣ, подвижной и впечатлительный умъ, всего себя, всю свою жизнь и всю душу свою человекъ понесъ и отдалъ церкви и богословской наукѣ—и чѣмъ все это разрѣшилось?

„Послѣднимъ словомъ“!!

Долго и много надо было бы плакать на свѣжей могилѣ проф. А. Θ. Гусева, но не о томъ, совсѣмъ не о томъ пла-

¹⁾ См. *Православное Обозрѣніе* 1876, III, №№ 9—10, особ. стр. 271—299 („Церковно-общественные вопросы въ нашей журналистикѣ. Журнальные и газетныя разсужденія о свободѣ совѣсти“).

кать, о чемъ въ надгробныхъ рѣчахъ плакали его друзья и почитатели!...

Родъ печатныхъ произведеній, къ которымъ принадлежитъ „Послѣднее слово“ А. Гусева, всецѣло опредѣляется полемическими приемами или способами „аргументаціи“ его, одобренной выше упомянутымъ редакціоннымъ примѣчаніемъ.

„Послѣднее слово Гусева о старокатоличествѣ“, принадлежащее послѣднему ультра-охранительному періоду литературной его дѣятельности, отразило на себѣ всѣ характеристическія черты охранительнаго направленія въ богословіи; какими же чертами характеризуется охранительное направленіе въ нашемъ богословіи, для отвѣта на этотъ вопросъ въ своемъ мѣстѣ хорошій матеріалъ дала мнѣ другая статья проф. Гусева, гдѣ онъ прямо рисуетъ идеалъ богословія, какъ онъ его разумѣетъ ¹⁾. „Прокладываніе новыхъ путей въ богословствованіи“ съ точки зрѣнія нарисованнаго Гусевымъ идеала богословія является дѣломъ преступнымъ. въ отношеніи къ которому необходимо принятіе немедленныхъ мѣръ „пресѣченія зла“. Сдѣлавши весьма прозрачный намекъ на нѣкоторыхъ современныхъ богослововъ, повинныхъ въ указанномъ прокладываніи новыхъ путей, А. Гусевъ при этомъ пишетъ: „Человѣкъ, ставящій своею задачею прямо прокладываніе новыхъ путей въ богословствованіи, но недостаточно внимательный къ вышеуказанной единой его задачѣ, ... станетъ такъ богословствовать, что придется страшить за судьбы православно-богословской науки и православно-Церкви, *коль скоро подлежащая власть въ своей, обязательной особенно для нея, ревности по дѣлу Божию не обуздастъ практикующихъ такое богословствованіе*“ ²⁾. Въ этихъ словахъ выступаетъ передъ нами одна крайне неприглядная черта односторонне - охранительнаго направленія богословія, отъ которой рѣдко удерживаются наши охранители-богословы: стремленіе въ борьбѣ за свое существованіе противъ другихъ направленій богословскихъ или по другимъ побужде-

¹⁾ *Идея царства Божія въ ея значеніи для христіанскаго міросозерцанія*, гл. IX, стр. 453—454.

²⁾ *Миссіонерское Обозрѣніе* 1904, № 7, стр. 1055, 1056 („Странная рецензія“).

ніямъ ставить себя и свои писанія подъ защиту и покровительство посторонней вѣрѣ и наукъ внѣшней силы „подлежащихъ властей“; упрощеніе и облегченіе себѣ литературной борьбы со своими противниками мѣрами физическаго воздѣйствія на нихъ включительно до „загражденія усть“ и связанное съ этимъ постоянное смѣшеніе въ аргументаціи своихъ взглядовъ администраціи и науки. Подтвердимъ это выдержками.

Побужденіе къ написанію статьи и ея цѣль А. Гусевъ опредѣляетъ слѣдующими словами: „Св. Синодъ издалъ особыя правила, коими предписывается академическому начальству и профессорамъ академіи обращать, при оцѣнкѣ сочиненій, представляемыхъ на соисканіе ученыхъ степеней, строгое вниманіе на то, согласны ли эти сочиненія, по своему направленію, съ духомъ и ученіемъ православной церкви не только въ цѣломъ, но и во *всѣхъ* частностяхъ. Въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ требуютъ отъ учащихся, чтобы они въ своихъ устныхъ отвѣтахъ и письменныхъ работахъ оставались во всемъ вѣрными православному вѣроученію, и за упорное отступленіе отъ православной догмы такъ или иначе караютъ. Для духовной же печати существуетъ цензура, обязанная не допускать къ печатанію сочиненій съ *догматическими* погрѣшностями, пока не устранены послѣднія. Но если,—пишется мнѣ,—цензоры не исполняютъ своего *долга* и пропускаютъ въ духовную печать,—къ соблазну и къ духовному вреду нашей меньшей во Христѣ братіи, а врагамъ нашей церкви на радость и торжество,—сочиненія, систематически оспаривающія православное ученіе о церкви, объ отношеніи Сына Божія къ Духу Святому и объ евхаристическомъ пресуществленіи, то печатно же противодѣйствовать этому злу составляетъ *прямой нравственный долгъ* въ особенности того богослова, который уже защищалъ это ученіе въ печати, но на котораго даже въ академическомъ журналѣ обрушился новый и при томъ „титулованный“ противникъ, а между тѣмъ редакція журнала напечатала его статью безъ всякой оговорки и тѣмъ самымъ, въ мнѣніи читателей, заявила свою солидарность съ нею по крайней мѣрѣ въ главномъ и существенномъ“ (апр. 572—573). Послѣ этого что оставалось дѣлать Гусеву? Только одно: взять на себя задачу выполнить неисполненный ду-

ховною цензурою долгъ и исправить сдѣланное ею упущеніе. Такъ онъ и поступилъ въ своей статьѣ. По его заявленію, статья не предназначается имъ имѣть значеніе научнаго отвѣта мнѣ: она вызвана желаніемъ противоудѣйствовать „соблазну меньшей нашей братіи“, производимому моею статьею. „Дѣло въ томъ, что я (Гусевъ) убѣдился въ рѣшительной невозможности положить конецъ соблазнительной литературной пропагандѣ у насъ старокатолическихъ заблужденій какими угодно основательными опроверженіями ихъ... Только церковная власть въ состояніи прекратить, по крайней мѣрѣ въ духовной литературѣ, пропаганду у насъ старокатолическихъ заблужденій“¹⁾... Такимъ образомъ въ „Послѣднемъ словѣ“ Гусева, въ такой его постановкѣ, заключается не ученая критика на мою статью, а что-то совсѣмъ иное, для чего рѣшительно никакой учености не требуется. Профессоръ и ученый здѣсь являются въ несвойственной имъ роли просто только усердныхъ ревнителей вѣры и „охранителей“, гдѣ единственная цѣль заключается только въ томъ, чтобы обратить вниманіе кого слѣдуетъ на „вредную для матери-церкви, систематическую и упорную агитацію въ пользу старокатолическихъ заблужденій“, на „пропаганду у насъ старокатолическихъ заблужденій“, которою усердно занимается „протоіерей, профессоръ и докторъ богословія Свѣтловъ“, вмѣстѣ съ „главнымъ союзникомъ его“ А. Кирѣевымъ, въ своей „вредной для православной церкви статьѣ подъ заглавіемъ: „О новомъ мнимомъ препятствіи къ единенію старокатоликовъ и православныхъ“ и въ другой „непотребной (?)“ статьѣ подъ заглавіемъ: „Старокатолическій вопросъ въ его новомъ фазисѣ“. Дѣлается при этомъ сообщеніе о „хитро проводимой о. протоіереемъ, профессоромъ и докторомъ богословія, Свѣтловымъ тенденціи ввести въ лоно церкви даже спинозистовъ, толстовцевъ и подобныхъ имъ людей“! Для большаго воздѣйствія, на кого слѣдуетъ, обсужденіе старокатолическаго вопроса въ противномъ гусевскому направленіи называется „страшными“ именами агитаціи и пропаганды²⁾. По мѣстамъ, въ расчетахъ на подобный же эффектъ, „почтенный богословъ-полемистъ“ на

1) *Правосл. Собесѣдникъ* 1904, апрѣль, стр. 572—573, 573, 574.

2) *Прив. Собес.* 1904, апр. 572, 574, 565; май 719.

чинаеть бить тревогу и дѣлать особенно много шуму въ такихъ, напр., обращеніяхъ своихъ къ читателямъ: „не очевидно ли для читателей, что о. протоіерей, профессоръ и докторъ богословія Свѣтловъ, лишь изъ-за угожденія старокатоликамъ и ихъ русскимъ покровителямъ, дерзнулъ назвать *парадоксомъ* ученіе вселенскаго собора и церковнаго преданія о вселенской нераздѣльной церкви? Небывалый въ духовной печати и крайне соблазнительный фактъ! Послѣ этого странно было бы осуждать Л. Толстого и разныхъ отечественныхъ сектантовъ за ихъ глумленіе надъ ученіемъ церкви, хотя они и заслуживаютъ осужденія. Вѣдь они въ правѣ сослаться въ свое оправданіе на о. протоіеря, профессора и доктора богословія Свѣтлова и на давшій его статью мѣсто *академическій журналъ*. Въ виду неразборчивости послѣдняго въ гостепримствѣ“... Далѣе ревность и заботливость „богослова - полемиста“ уже изливаются за предѣлы моихъ статей и старокатолической „пропаганды“ вообще, простираясь на „нѣкоторые духовные журналы и ихъ вождей или дѣятелей“, угрожающихъ „миру дорогой православной церкви“, по поводу чего начинается его сѣтованіе и изліяніе скорбныхъ чувствъ, съ привлеченіемъ сочувственной ему литературы по части наблюденія за періодическою духовною печатью, и дѣлается ссылка на „одно письмо“ и на одну статью „въ 3 книжкѣ *Русскаго Вѣстника*“ за 1904 годъ ¹⁾.

¹⁾ Статья эта, носящая заглавіе: „Нѣчто о нынѣшней духовной литературѣ“, сѣтуетъ на упадокъ современной духовной литературы. Конечно, не можетъ быть рѣчи о паденіи того, что всегда лежало и лежитъ, и сѣтованіе нашихъ охранителей вызываютъ, наоборотъ, признаки какъ будто слабого стремленія здѣсь изъ лежачаго положенія придавленныхъ рутиню и разными независящими обстоятельствами приподняться и принять сколько-нибудь сносное положеніе. Поборниковъ рутиню и лежачаго положенія беспокоитъ вѣяніе чего-то какъ будто новаго въ богословіи, неумѣщаемого на томъ „прямомъ пути, которымъ *исходи шла* духовная литература“, и они начинаютъ приходить „въ изумленіе предъ содержаніемъ, тономъ и изложеніемъ“ нѣкоторыхъ статей духовныхъ журналовъ, ихъ отличіемъ отъ статей „*прежнихъ писателей*“. „Придавленнѣйшее изъ всего сущаго на землѣ“, наше духовенство въ достаточной мѣрѣ отличается пришибленностью и даромъ безмолвія, особенно въ печати. Но охранителямъ мало и этой пришибленности, и они вопіютъ о репрессіяхъ, какъ если бы мы пользовались какою-либо американской свободой слова! А. Гусевъ не сдѣлалъ бы ошибки, присоеди-

Смѣшеніе научной сферы съ административною даетъ Гусеву возможность располагать такими сильными аргументами, передъ которыми наукѣ совѣмъ дѣлать нечего.

Что только восточная Греко-Россійская церковь въ настоящее время есть церковь вселенская, это краеугольное въ полемикѣ А. Гусева воззрѣніе его положительнымъ образомъ доказывается настойчивыми ссылками его на отвѣтное посланіе св. синода Вселенской патриархіи отъ 25 февр. 1903 года, при чемъ присовокупляется къ сему многозначительное увѣдомленіе о моемъ противленіи голосу православной церкви, выраженному посланіемъ (апр. 559—561 и 605)!.. Это же значеніе свидѣтельства моей непокорности и преслушанія церкви имѣетъ сообщеніе „почтеннаго богослова-полемиста“ о недостаточномъ моемъ уваженіи къ „на-

---

нивѣ къ указанной имъ статьѣ еще вѣлѣную „Замѣтку скромнаго наблюдателя современныхъ нравовъ“ *Л.* (въ *Тр. Киев. дух. ак.* 1904, № 4). Этотъ „наблюдатель“ смѣшиваетъ метафизически-схоластическія мудрованія П. Ливицкаго, одного изъ адептовъ спекулятивнаго богословія, съ самимъ христіанствомъ (примѣч. стр. 605, ср. *Богосл. Вѣстн.* 1904, № 3, примѣч. стр. 429), а литературныхъ противниковъ г. Ливицкаго съ „продолжателями и завершителями дѣла Л. Толстого“ и даже съ противниками христіанства, задающимися разрушеніемъ историческаго христіанства и „созданіемъ новаго христіанства“ взамѣнъ истиннаго. Все это и другое (напр. отрицаніе церкви) найдено „наблюдателемъ“ въ сочиненіи „Идея царства Божія въ ея значеніи для христіанскаго міросозерцанія“ „профессора богословія въ Киевскомъ Университетѣ протоіерея Свѣтлова“, который „замѣчательнъ въ особенности тѣмъ, что представляетъ собою яркій и поучительный образчикъ современныхъ нравовъ“, увѣдомляетъ незнакомый со мною *Л.* Сообщивши вслѣдъ за сѣмъ о моей „превосходящей всякую мѣру самоувѣренности“ и самолюбіи, для чего благородному наблюдателю нравовъ недостаточный матеріалъ, представляемый книгою, пришлось замѣнить слухамъ, далѣе онъ называетъ меня въ одно и то же время завершителемъ дѣла Л. Толстого и продолжателямъ Репетилова въ его „почтенномъ занятіи“ дѣлать шумъ („шумимъ, братецъ, шумимъ!..“), хотя не „протоіерей Свѣтловъ шуму много дѣлаетъ“, а тѣ, которые вмѣстѣ съ наблюдателемъ сами о немъ шумятъ! Неудовольствовавшись и этимъ сообщеніемъ, почтенный мой наблюдатель и еще увѣдомляетъ, что я пишу въ духѣ Ницше и Толстого, столь противоположныхъ по духу величинъ! „Замѣтка скромнаго наблюдателя“ самымъ своимъ появленіемъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ только о существованіи нѣкоего „почтеннаго занятія“ по части любительскаго наблюденія за авторами статей въ духовныхъ журналахъ и въ этомъ смыслѣ даетъ собою „образчикъ современныхъ нравовъ“ въ русско-духовно-періодической печати. „Жестокіе, сударь, здѣсь нравы“!..

учнымъ системамъ православнаго догматическаго богословія, *рекомендуемь церковной властью въ качествѣ руководствъ при изученіи богословія*“, хотя въ преступленіе мнѣ вмѣняется тутъ даже и то, что цитуя „изслѣдованіе по вопросу о церкви, принадлежащее экстр. проф. Е. П. Аквилонову, я „игнорирую сказанное имъ о наличной вселенской церкви“! (Апр. 603—604). По этому поводу считаю долгомъ сказать слѣдующее. Наши догматики одобряются „церковной властью“, вѣроятно, въ качествѣ только ученыхъ и учебныхъ руководствъ, а не точныхъ образцовъ вѣры наравнѣ съ церковными символами. Этимъ за православными богословами оставляется право научно-критическаго отношенія къ нашимъ научно-догматическимъ системамъ. Ссылаться на нихъ дѣйствительно не всегда можно: иногда догматики наши лишены опредѣленныхъ отвѣтовъ на тѣ или иные вопросы (напр. даже о первородномъ грѣхѣ и искупленіи), а иногда съ опредѣленными отвѣтами не соединяютъ желательной точности или правильности (чѣмъ особенно выдѣляется догматика м. Макарія).. Этому же желанію укрѣпиться со своими взглядами, въ ихъ аргументаціи, на позиціяхъ, неприступныхъ для науки, служить ссылка на „одного изъ *официальныхъ* рецензентовъ „Курса апологетическаго богословія“, который „опротестовалъ возведеніе о. Свѣтловымъ старокатоликовъ въ православныхъ и въ частности отмѣтилъ самопротиворѣчіе о. Свѣтлова во взглядѣ на терминъ „пресуществленіе“ (стр. 138 и 139 въ *протоколахъ* Совѣта Моск. академіи, *Богосл. Вѣстн.* 1903 г. май)“¹⁾. Дѣйствительно, рецензентъ пишетъ по этому вопросу такъ: „На стр. 25 авторъ называетъ старокатоликовъ православными христіанами. Но православнымъ христіаниномъ можетъ быть названъ лишь тотъ, кого таковымъ признаетъ православная церковь. Старокатоликовъ, *вышедшихъ изъ церкви* не православной, а римско-католической, православная церковь не провозглашала таковыми. Пока не прознесено это опредѣленіе церкви, мы можемъ говорить только о возможности и желательности такого опредѣленія, но не можемъ дать сами его“. Рецензентъ съ Гусевымъ впадаютъ здѣсь въ одну общую ошибку смѣшенія *юриди-*

¹⁾ Апр. 563, 562.

чески-дозволеннаго съ истиннымъ. Вопросъ въ наукѣ долженъ идти не о томъ, дозволено ли то или иное мнѣніе, а о томъ лишь, правильно ли оно? Но и съ церковно-юридической точки зрѣнія, занятой моими оппонентами, я не совершилъ проступка, назвавъ старокатоликовъ православными христіанами. „Православная церковь не провозглашала старокатоликовъ“ православными, но она не провозглашала ихъ также и неправославными, насколько извѣстно, и „пока не произнесено опредѣленіе церкви“ ни въ какую сторону, до тѣхъ поръ частнымъ членамъ открывается полный просторъ въ обсужденіи вопроса. Напротивъ, опредѣленіемъ церкви полагается конецъ праву свободнаго обсужденія вопроса частными лицами. Да и какъ, при правильномъ понятіи о церкви, было бы возможно „опредѣленіе церкви“ безъ права предварительнаго мнѣнія членовъ церкви? То ли рецензентъ разумѣетъ подъ церковью, что слѣдуетъ разумѣть? Вообще, выставленный рецензентомъ принципъ безмолвія по нерѣшеннымъ церковью вопросамъ ставитъ въ затруднительное положеніе богословскую науку и расходится въ данномъ случаѣ даже съ образомъ мыслей господствующаго официального богословія, открывающаго для богословія мѣсто въ границахъ только нерѣшеннаго опредѣленіями церкви.

Отмѣчаетъ рецензентъ дѣйствительно также и „самопротиворѣчіе“ у меня во взглядѣ на терминъ пресуществованіе и мое непониманіе предмета, но, по моему мнѣнію, такъ же неудачно, какъ и въ предшествующемъ случаѣ. „Приобщая старокатоликовъ къ православію, о. Свѣтловъ“, пишетъ рецензентъ, „попутно высказываетъ неодобреніе термину *пресуществованіе*. Одинъ изъ рецензентовъ книги его замѣтилъ ему (см. *Вѣра и Церковь* 1902, № 1), что здѣсь дѣло собственно не въ словѣ, а въ пониманіи слова, и старокатолики отказываются, конечно, не отъ слова (филологически, понятно, термины не могутъ быть точными), а отъ католическаго пониманія слова“. Мои „рецензенты“ говорятъ здѣсь истину, высказанную мною въ болѣе точной формѣ гораздо раньше ихъ, шесть лѣтъ тому назадъ, въ журн. *Странникъ* 1890 г., май, стр. 62, гдѣ я говорю:... „въ Катихизисѣ со ссылкой на *Посланіе восточн. патр.* и св. *Іоанни Дамаскина* излагается положеніе о невозможности и непозволительно-

сти проникновенія въ самое существо тайнодѣйствія или объясненія самаго образа преложенія; по-моему, уже въ самомъ словѣ „пресуществленіе“ дается вопреки сему нѣкоторое объясненіе самаго образа преложенія Даровъ и такъ какъ ради именно этого мнимаго объясненія слово сіе удерживается нѣкими нашими богословами, то ясно, что какъ средство къ объясненію тайны Евхаристіи, слово „пресуществленіе“ запрещаетъ нашъ Катихизисъ для богослововъ, злоупотребляющихъ словомъ“...

„Рецензентъ“ (изъ *Вѣры и Церкви*) при этомъ отмѣтилъ, продолжаетъ другой, официальный, рецензентъ, „что въ другой книгѣ о Свѣтловъ самъ усваиваетъ термину пресуществленіе православно-догматическій смыслъ (Опытъ апологетическаго изложенія правосл.-христіанск. вѣроученія, ч. 2, 1898, стр. 15)“. Этому моему „самопротиворѣчію“, какъ увидимъ далѣе, придано неожиданно-большое значеніе проф. А. Гусевымъ, и потому свидѣтельство трехъ уже оппонентовъ о колебаніяхъ моихъ по вопросу о пресуществленіи, или о словѣ „пресуществленіе“, должно быть разсмотрѣно мною.

Въ вышеуказанной своей книгѣ я возражаю противъ дурной манеры духовной критики придираю къ отдѣльнымъ „словамъ и выраженіямъ“ устанавливая неправославность сочиненій и запрещать ни съ того ни съ сего иные термины, хотя бы они не имѣли специально-догматическаго смысла (въ родѣ—*единосущный, пресуществленіе* и др.), ни отрицательнаго или еретическаго (въ родѣ—*подобосущный, соприсутствіе* etc). Выраженія, не получившія конфессіонально-догматическаго смысла, не могутъ имѣть отношенія къ православно-догматикѣ“ и проч. (стр. 14—15). Приведенными словами я признаю несомнѣнно то, что въ нашемъ богословіи слово „пресуществленіе“ имѣетъ, получило, специально-догматическій смыслъ“ и при томъ—„положительный, православно-догматическій“ или „конфессіонально-догматическій смыслъ“, на ряду даже съ терминомъ „единосущный“ и т. п. Но въ этихъ словахъ не содержится ни малѣйшаго указанія, даже намека, на то, чтобы я считалъ правильнымъ усвоеніе такого православно-догматическаго смысла слова „пресуществленіе“. Несомнѣнно, „официальный рецензентъ“ введенъ былъ въ заблужденіе другимъ

„рецензентомъ“, неофициальнымъ, — *напраснымъ* довѣриемъ къ его ненаучной замѣткѣ, опровергнутой мною въ отд. моей брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Еще образчикъ ложной ревности о вѣрѣ въ журналѣ *Вѣра и Церковь*. Кіевъ 1902, 1—10 стр.

„Не трудно догадаться“, заканчиваетъ здѣсь свою рѣчь официальный рецензентъ, „какія статьи 1898 — 1899 г.г. привели о. Свѣтлова къ новому взгляду на дѣло. Но окончательный ли это его взглядъ? Можетъ-быть, чтеніе такихъ произведеній, какъ Лерея — *La constitution de l'Univers et le Dogme de l'Eucharistia*, Каменна — *Le Mystere eucharistique* — снова бы измѣнили его воззрѣнія?“ Не знаю, почему о. Свѣтловъ здѣсь представленъ какимъ-то флюгеромъ, приводимымъ въ движеніе всякимъ вѣтромъ статей и книгъ, какой на него подуетъ, — наподобіе тѣхъ, о которыхъ поэтъ пишетъ:

Что ему книга послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и ляжетъ:
Вѣрить, не вѣрить — ему все равно,
Лишь бы написано было умно.

Но не всѣ слѣдуютъ этому пути въ образованіи своихъ взглядовъ, кажется bona fide, рекомендуемому официальнымъ рецензентомъ. Мнѣ совершенно, по крайней мѣрѣ, „трудно догадаться“, о какихъ статьяхъ онъ говоритъ, и еще труднѣе понять неодолимую силу статей надо мною, а также книгъ Лерея и Каменна, отъ чаръ которыхъ по рецензенту я спасенъ только тѣмъ, что не читалъ ихъ.

Все, выше сказанное, не позволяетъ признать удачною попытку проф. А. Гусева укрыться подъ надежную сѣнью официальной рецензии и протоколовъ. Недостаточная подготовленность упомянутаго рецензента къ компетентному рѣшенію старокатолическаго вопроса доказывается не только сказаннымъ и, въ частности, объ отношеніи старокатоликовъ къ церкви римско-католической (въ чемъ онъ стоитъ за одной точкѣ зрѣнія съ о. игуменомъ Сергіемъ), но и явными ошибками въ случайныхъ его другихъ экскурсіяхъ въ область старокатолическаго вопроса. Укажу, напр., хоть на то, что рецензентъ приписываетъ неизвѣстное старокатоликамъ ученіе о Евхаристіи, по которому хлѣбъ и вино въ таинствѣ Евхаристіи не дѣлаются дѣйствительнымъ тѣломъ

и кровію Господа І. Христа и допускается, слѣдов., одно только духовное присутствіе Христа въ Евхаристіи (*Богосл. Вѣстникъ* 1904, № 12, стр. 1857. ст. С. С. Глаголева. „Блезъ Паскаль“).

Какъ видѣли, попытка Гусева доказать мое „самопротиворѣчіе“ по вопросу о пресуществленіи даже въ союзѣ съ двумя „рецензентами“ оказалась совершенно неудачною. Тѣмъ не менѣе на этомъ мнимомъ „самопротиворѣчій“ моемъ въ воззрѣніи на терминъ „пресуществленіе“, а вмѣстѣ съ тѣмъ еще—воззрѣніяхъ на „наличную вселенскую церковь и на инославныя христіанско-религіозныя общества“ и на ученіе о *Filioque*, А. Гусевымъ построены цѣлый рядъ обвиненій въ „обманываніи, лицедѣйствѣ, театральничаньи“, даже въ „гнусной измѣнѣ православной церкви“ и еще тамъ въ чемъ-то (стр. 580—586,—шесть страницъ обвинительнаго текста!). Гусевымъ совершенно слѣдующее открытіе, сообщаемое имъ читателямъ, „въ душѣ коихъ теплится любовь къ истинѣ и добру“, съ цѣлью вызвать у нихъ „удивленіе и негодованіе“. Оказывается о. Свѣтловъ раздѣляетъ одинаковыя съ А. Гусевымъ воззрѣнія по вопросу о церкви, *Filioque* и пресуществленіи „въ глубинѣ души своей“ (вотъ куда проникаютъ наши „скромныя наблюдатели“!), а наружно, изъ своекорыстныхъ расчетовъ, „ради угожденія старокатоликамъ и ихъ русскимъ покровителямъ“, выступаетъ въ статьяхъ своихъ его противникомъ и потому „оказывается замѣчательнымъ лицедѣемъ, актеромъ, надѣвшимъ маску, человѣкомъ величайшей неискренности!“ (стр. 584). „Прежнія“ убѣжденія о. Свѣтлова, которыхъ онъ и нынѣ держится „въ глубинѣ души своей“, столь открытой для любительскихъ наблюдений, высказаны имъ въ „Опытѣ апологетическаго изложенія православно-христіанскаго вѣрученія“ т. I — II. Единомысліе о. Свѣтлова съ А. Гусевымъ по вопросу о церкви и *Filioque* „со всею ясностью и рѣшительностью“, а въ дѣйствительности съ ясными только натяжками и не безъ передержекъ, подтверждается слѣдующею выпискою его изъ т. I, изд. 1-го 1896, стр. 70: „гдѣ сама истинная вселенская церковь?“ (Далѣе въ выпискѣ опускается непосредственно слѣдующее за нимъ вопросомъ: „Этотъ вопросъ вызванъ раздѣленіемъ единой Вселенской Церкви въ 1051 году, которое послужило началомъ для дальнѣйшаго дѣленія ея въ западной Римско-Католи-

ческой Церкви на католицизмъ и протестантство. Такимъ образомъ предъ нами“ etc. Гусеву эти слова не подходили и онъ выбросилъ ихъ, снабдивъ далѣе выписку собственными курсивами безъ всякихъ оговорокъ...) „Предъ нами православіе, католицизмъ и протестантство: въ какомъ же изъ этихъ трехъ вѣроисповѣданій слѣдуетъ видѣть истинную хранительницу Божественнаго Откровенія, т.-е. Церковь? Несомнѣнно— въ томъ, которое остается вѣрно преданію и духу древней вселенской нераздѣльной церкви, въ истинности которой не могло возникнуть и не возникало сомнѣнія. Но съ точки зрѣнія вѣрности древне-вселенской нераздѣльной церкви можетъ быть названа истинною одна только восточная православная церковь, во всемъ оставшаяся вѣрною древней нераздѣльной вселенской церкви, тогда какъ западная римско-католическая церковь допустила у себя многочисленныя отступленія отъ преданій древней нераздѣльной церкви, признавъ догматы, ей совершенно неизвѣстные, напр. непорочнаго зачатія Св. Дѣвы Маріи, догматъ непогрѣшимости папы, установленный только въ 1869 — 1870 годахъ на Ватиканскомъ соборѣ папою Піемъ IX, а протестантство къ нѣкоторымъ заблужденіямъ Римской церкви (напр. къ *Filioque*, — ученію объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына) прибавило еще новыя многочисленныя заблужденія, отвергнувъ преданіе, церковь, священство (въ смыслѣ таинства), пять таинствъ, добрыя дѣла въ смыслѣ условія спасенія со стороны человека, почитаніе святыхъ, иконъ, мощей, молитвы за умершихъ и многіе благочестивые обычаи и учрежденія вселенской церкви, каковы: посты, монашество, соблюденіе праздниковъ и т. п.“ Единомысліе мое съ собою по вопросамъ о церкви и *Filioque* проф. Гусевъ выжимаетъ изъ даннаго мѣста, неимѣющаго необходимой для сего опредѣленности и точности выраженій, путемъ искусственнымъ и невольительнымъ: выпускъ прежде всего заключенныхъ въ скобки словъ о раздѣленіи единой Вселенской Церкви въ 1051 г. и дальнѣйшемъ ея дѣленіи въ западной церкви. Этими словами наличная вселенская церковь представляется, очевидно, раздѣленною на двѣ половины: восточную и западную церкви, а симъ предполагается западная церковь принадлежащею къ составу вселенской церкви. Ни косвенно, ни прямо не утверждается приведенною цитатою, даже въ цитъ-

занномъ видѣ, будто „не только протестантскія религіозныя общества, но и римско-католическое исключены о. Свѣтловымъ изъ состава вселенской церкви“ (апр. 583), въ полномъ же видѣ, неискаженномъ рукою мнимаго правдолюбца, цитатой это утвержденіе послѣдняго совершенно ясно отрицается. Отрицается „со всею ясностью и рѣшительностью“ также смѣлое завѣреніе Гусева о моемъ единомыслии съ нимъ здѣсь въ понятіи о нераздѣлимости церкви, основанное только на пропускѣ моихъ словъ о „раздѣленіи единой Вселенской церкви“. „Слово: *нераздѣльная*, комментируетъ Гусевъ, настойчиво прилагаемое о. Свѣтловымъ къ слову: *церковь*, ясно показываетъ, что нелѣпо было бы говорить о *какомъ-то раздѣленіи* церкви на двѣ или на три части, а можно говорить лишь объ отпаденіяхъ отъ нея“... Однако эта нелѣпость, съ точки зрѣнія Гусева, была все-таки сказана мною въ 1896 году и повторена была 2-мъ изд. 1-го тома въ 1899 г., стр. 72. Проф. А. Гусевъ, слѣдовательно, намѣренно и сознательно изъ полемическихъ видовъ скрылъ столь рѣзкое разногласіе мое съ нимъ въ томъ самомъ мѣстѣ „Опыта“, на которое онъ ссылается въ доказательство моей солидарности съ нимъ, и сказалъ намѣренно ему нужную ложь. Ограничиваюсь голымъ констатированіемъ факта, превращающаго всѣ патетическія воззванія Гусева къ нравственному чувству читателей противъ „лицедѣйства“ и „лже-свидѣтельства“ о. Свѣтлова въ непопозволительныя риторическія фигуры. Дабавлю къ этому еще одну лишь подробность. Гусевъ цитуетъ приведенное мѣсто по 1-му, а не по 2-му изданію, своими шестью послѣдними строками, однородными съ пропущенными, также неблагоприятными для цѣлей Гусева (стр. 73). Вообще, по совѣсти говоря, приведенное Гусевымъ мѣсто при своей краткости и общей неопредѣленности выраженій не заключаетъ въ себѣ совершенно яснаго и опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о томъ, гдѣ сама истинная Вселенская Церковь? Далѣе этотъ широкій и большой вопросъ сводится къ меньшему: въ какомъ изъ трехъ вѣроисповѣданій слѣдуетъ искать истинную хранительницу Божественнаго Откровенія или истинную церковь? И отвѣтъ дается въ томъ смыслѣ, что истинною и *вполнѣ* вѣрною древне-нераздѣленной вселенской церкви въ своемъ вѣроученіи нынѣ остается православно-восточная церковь, но что-

бы она была самою вселенскою церковью, *всею* церковью, объ этомъ въ цитатѣ нѣтъ нигдѣ ни одного слова. Сообщение объ этомъ Гусева есть злоупотребленіе неясностью мѣста,— и только. Точно также и по Filioque ничего не даетъ приведенное мѣсто; одно только несомнѣнно изъ поясненія къ Filioque, что „заблужденіемъ“ здѣсь считалось „ученіе объ исхожденіи Св. Духа и *отъ* Сына“, а не „черезъ“ Сына... Кроме того, во 2-мъ изданіи выброшено и это мое поясненіе „заблужденія“ въ Filioque, по моему мнѣнію, въ сущности заключавшагося въ прибавкѣ новыхъ словъ къ никейскому символу вѣры. Къ сказанному необходимо еще присоединить, что сообщеніе о моемъ прежнемъ единомысліи съ Гусевымъ въ вопросѣ о „пресуществленіи“ ранѣе точно также не подтвердилось ссылкой его и его единомышленниковъ на тотъ же „Опытъ апологетическаго изложенія православно-христіанскаго вѣроученія“ т. II, Кіевъ 1898, стр. 15.

Для окончательнаго выясненія ложности увѣренія моихъ противниковъ о какихъ-то рѣзкихъ противорѣчіяхъ моихъ взглядовъ по вопросамъ старокатолической полемики я долженъ указать на тотъ фактъ, что одновременно съ „Опытъ“ т. II въ 1898 году я, хотя и кратко, но съ совершенною ясносью и опредѣленностью высказался по обсуждавшимся въ то время полемикою вопросамъ о словѣ пресуществленіе и Filioque въ ж. *Стражникъ* 1898, май, стр. 61—62, въ ст. „Защита вѣры противъ невѣрія въ трудахъ русскаго богослова-апологета“. Статья эта съ яснымъ выраженіемъ моихъ взглядовъ по Filioque и „пресуществленію“ была извѣстна А. Гусеву, стр. 61—62 этой статьи имъ были замѣчены, а авторъ обруганъ, какъ слѣдуетъ (въ ст. *А. Гусева* „Фальшивящее упрямство“ etc. — *Вѣра и Разумъ* 1900), изъ чего вытекаетъ, что и прежде, въ 1898 году, я не былъ единомышленникомъ проф. А. Гусева (который, кстати сказать, и самъ не сумѣлъ все-таки скрыть моего разногласія съ нимъ по старокатолическому вопросу въ 1900 году: см. стр. 562—563).

Съ формально-логической стороны также не можетъ быть одобренъ употребленный Гусевымъ полемическій приемъ: даже если бы и дѣйствительно было противорѣчіе между прежнимъ моимъ сочиненіемъ и позднѣйшими статьями по старокатолическому вопросу, то и тогда существованіемъ

его не доказывалась бы моя неискренность или „лицедѣйство“. Противорѣчія вызываются разными причинами, ничего общаго не имѣющими съ обманомъ, напр.: недостаточною выясненностью понятій, слабостью памяти, отсутствіемъ твердо выработанныхъ взглядовъ и т. п. Примѣрами „лицедѣйства“ полно „Послѣднее слово“, и я приведу два-три изъ нихъ по вопросамъ существеннымъ въ нашей старокатолической полемикѣ.

Желая опровергнуть, обычное о Свѣтлову, „лжесвидѣтельство, будто, по словамъ Гусева, инославные находятся вообще внѣ всякаго спасенія и жестокосердно обрекаются на вѣчную погибель и осужденіе“, А. Гусевъ увѣряетъ, что онъ „ничего такого не только не говорилъ, но и не могъ сказать... Я не допускаю“, говоритъ онъ, „вѣчныхъ осужденія и гибели даже для язычниковъ... Тѣмъ болѣе долженъ я сказать это относительно инославныхъ христіанъ“, въ случаѣ „если ихъ заблужденія происходятъ не изъ равнодушія къ истинѣ, а по причинѣ невозможности для нихъ познать ее“ (май, стр. 693—694). Все это похвально, но чрезъ нѣсколько страницъ А. Гусевъ говоритъ въ самомъ категорическомъ тонѣ о *„вѣчной погибели иновѣрующихъ, будутъ-ли то христіане или не христіане, несмотря на то, что они даже не слышали призыва со стороны истинной церкви Христовой“*... (Май 708)! „Лицедѣйствуетъ“ ли здѣсь А. Гусевъ? Конечно, нѣтъ: весь грѣхъ его въ томъ, что онъ не имѣетъ опредѣленнаго убѣжденія даже по столь важному въ богословіи вопросу, какъ вопросъ объ участи „внѣцерковнаго человѣчества“, и легко вслѣдствіе этого забываетъ ранѣе имъ написанное. Еще одинъ подобный примѣръ. „Развѣ можно при нѣкоторой, хотя бы самой малѣйшей освоенности съ богословіемъ отождествлять съ церковью“ хотя-бы „цѣлую толпу разныхъ Стояновыхъ“ и т. п. богослововъ, читаетъ мнѣ (безъ повода къ тому) мораль А. Гусевъ? Словомъ, Гусевъ здѣсь не одобряетъ ошибки богослововъ „въ доказательство церковности своихъ взглядовъ всегда сбиваться на голоса отдѣльныхъ богослововъ“; но уже съ той же самой страницы, черезъ двадцать три строки послѣ приведенныхъ словъ, А. Гусевъ въ доказательствѣ вселенскаго самосознанія православно-восточной церкви „сбивается на голоса отдѣльныхъ богослововъ“, не только рекомендованныхъ цер-

ковной властью“ (какъ архп. Филаретъ, митр. Макарій), но и не рекомендованныхъ пока ею (о. Е. П. Аквилонова,—ибо „единой наличной вселенской церковью Христовой и этотъ богословъ - догматистъ признаетъ восточную православную церковь“)! И не только самъ сбивается, но и меня бранить за то, что я не сбился и „игнорировалъ сказанное“ рекомендованными богословами и богословомъ еще не рекомендованнымъ по вопросу о церкви (апр. 603, ср. 603—605). Все это говорить только объ одномъ, какъ трудно отставать отъ привычекъ и въ томъ числѣ отъ дурной привычки „отождествлять съ самой Церковью“ ея богослововъ!

Впрочемъ, если бы „скромными наблюдателями“ даже было установлено, что я „лицедѣй“, то и въ этомъ случаѣ ниоткуда не слѣдовало бы, что подлинное выраженіе моихъ взглядовъ слѣдуетъ искать въ прежнемъ сочиненіи,—въ „опытѣ“, а не въ позднѣйшихъ статьяxъ: можетъ быть, я „лицедѣйствовалъ“ именно въ *Опытѣ*? А могло быть и такъ, что—и въ „Опытѣ“, и въ позднѣйшихъ статьяxъ?.. Могъ бы я также отвѣтить Гусеву и такимъ образомъ: тогда я ошибался, а теперь исправилъ свою ошибку. И противъ этого ничего нельзя сказать, ибо сознаніе ошибокъ и совершенствованіе заслуживаютъ только одобренія, а не порицанія. Еще могъ бы напомнить Гусеву о существованіи у насъ учрежденія, которое не только „съ мыслей автора краски стираетъ“ по выраженію поэта, но сплошь и рядомъ стираетъ безъ остатка и мысли наши, а посему развѣ не могло быть такъ, что какъ разъ напечатанное въ „Опытѣ“ по независимымъ отъ автора обстоятельствамъ не отвѣчало рукописному авторскому подлиннику? Обстоятельство это всегда надо имѣть въ виду нашимъ критикамъ и читателямъ для правильной оцѣнки нашихъ трудовъ... При этомъ пользуюсь случаемъ лично о себѣ сдѣлать слѣдующее заявленіе въ виду указанной цѣли. Если бы различія въ моихъ сочиненіяхъ или даже противорѣчія по тѣмъ или инымъ вопросамъ захотѣли относить къ недостаточному соотвѣтствію у насъ, особенно въ духовной печати, рукописныхъ авторскихъ подлинниковъ съ печатью и къ нѣкотораго рода, если угодно, совершенствованію автора,—къ большей полнотѣ и ясности выраженія его взглядовъ скорѣе въ позднѣйшихъ, чѣмъ въ раннѣйшихъ сочиненіяхъ, и болѣе въ послѣдующихъ, чѣмъ

въ предыдущихъ изданіяхъ его сочиненій; то во всемъ этомъ не погрѣшили бы противъ истины.

Центральнымъ вопросомъ статьи А. Гусева или существенною ея частью служить, по крайней мѣрѣ должно было бы служить, разсмотрѣніе моего или старокатолическаго взгляда по спорному вопросу о церкви и обоснованіе ему противоположнаго взгляда автора.

Вселенская Церковь Христова а) не подлежитъ никакому раздѣленію на двѣ половины—восточную и западную въ силу своего единства (чл. IX симв. вѣры); то же, что здѣсь называютъ раздѣленіемъ, было лишь выдѣленіемъ изъ состава Вселенской Церкви, подобно тому, какъ изъ тѣла выдѣляются ему ненужныя и мертвыя частицы; б) слѣдовательно, теперь Вселенская Церковь во всей своей цѣлости остается только на Востокѣ въ Греко-Россійской церкви и в) „къ ней *тщательно* не принадлежать *какія бы то ни было* инославныя религіозныя общины“ (май 722). Вотъ „рѣшительное“ мнѣніе А. Гусева, выдаваемое за воззрѣніе православно-восточной церкви! Какъ видимъ, въ общемъ спорномъ вопросѣ о Церкви Гусевымъ выдѣляются три частныхъ пункта или вопроса: „было ли нѣкогда раздѣленіе единой Церкви Христовой на двѣ половины: восточную и западную? б) Какую наличную церковь должно признать теперь единственной на землѣ истинной вселенской церковью? в) Какъ относятся къ ней остальныя религіозно-христіанскія общины?“ „Изложеніе мыслей у о. Свѣтлова“, пишетъ А. Гусевъ, „совершенно чуждо логической стройности и послѣдовательности, а потому не легко группировать ихъ желаннымъ образомъ и подвергать систематическому разбору“ (апр. 586). Съ цѣлью придать недостающую мнѣ стройность изложенія и придумано именно раздѣленіе вопроса на три рубрики, котораго я все-таки не могу одобрить даже при всей своей неспособности къ связанному логическому мышленію. Ничего, кромѣ путаницы, этою тройственной схемою не вносится въ изложеніе А. Гусева, вслѣдствіе ея логической неправильности: очевидно, послѣдній пунктъ содержится и подразумевается въ первыхъ двухъ, а первый предполагается послѣднимъ пунктомъ; поэтому раздѣлять ихъ нельзя, и держаться предложенной А. Гусевымъ схемы я не буду.

Скажу даже больше. При всей важности центральной ча-

сти статьи, относящейся къ спорному вопросу о церкви. Тѣмъ не менѣе я долго останавливаться на ней не буду. И вина въ этомъ не моя, а ея автора, который главное свое вниманіе удѣлилъ моей личности, а не моимъ взглядамъ или вопросу о церкви. На дѣлѣ эта важнѣйшая часть существенной роли въ статьѣ А. Гусева не играетъ и не имѣетъ самостоятельнаго значенія, а служитъ лишь средствомъ къ обличенію *зловредности* моихъ *непотребныхъ* статей по старокатолическому вопросу и даже научно-литературной дѣятельности моей вообще. Этой цѣли А. Гусева, вмѣстѣ съ другими „наблюдателями“, служитъ между прочимъ одинаково съ упомянутыми статьями не разъ упоминаемое имъ также мое послѣднее сочиненіе о значеніи идеи царства Божія въ христіанской жизни и знаніи, напечатанное мною для „угожденія новопутейцамъ“ ¹⁾!

Удивительно ли, если въ такой постановкѣ статья А. Гусева отличается крайнею скудостью содержанія? И дѣйствительно, двѣ-три строки дѣла здѣсь постоянно тонуть въ цѣлыхъ страницахъ ругательнаго краснорѣчія А. Гусева или „празднословія“ и „браннословія“ (слова заимствов. изъ полемическаго лексикона А. Гусева)!

Что разсужденія нашего „богослова полемиста“ и критика моего взгляда по церковному вопросу не имѣютъ никакого научнаго значенія, это легко сразу показать разсмотрѣніемъ методологической стороны существенной части „Послѣдняго слова“, относящейся къ церковному вопросу,—спеціально въ ней наблюдаемыхъ полемическихъ пріемовъ и ошибокъ въ ученіи о церкви чисто-методологическаго характера.

Для облегченія опроверженія моихъ взглядовъ по цер-

¹⁾ *Правосл. Собес.* 1904, апр. 568, май 719 (ср. *Тр. Киев. дух. ак.* 1904, № 3, стр. 453). Въ значительной части своей сочиненіе мое о царствѣ Божіемъ еще въ 1897—1899 г.г. разсматривалось въ „подлежащихъ учрежденіяхъ“ и было написано, значитъ, раѣе появленія „*Новаго Пути* и какихъ бы то ни было „новопутейцевъ“. Все говоритъ мнѣ (—не отрицаю этого), что изслѣдованіе мое идетъ навстрѣчу вызванному неурядицами сѣрой русской жизни исканію новыхъ путей жизни и знанія, обновленія и удрушенія послѣднихъ. Что же удивительнаго, если оно встрѣчается злобнымъ ворчаніемъ и шумною бранью среди тѣхъ, которые безнадежно завязли въ болотныхъ трясилахъ схоластики и рутинны? Такъ и должно быть.

ковному вопросу авторъ „Послѣдняго слова“ прибѣгаетъ къ помощи nepозволительныхъ пріемовъ: 1) умалчиваетъ объ аргументахъ моихъ взглядовъ, иногда прямо заявляя, что ихъ у меня нѣтъ; 2) повторяетъ въ своихъ разсужденіяхъ по вопросу о церкви въ полемикѣ со мной разобранные мною аргументы,—какъ бы ихъ вовсе не существовало, предварительно не разобравши ихъ; 3) неточно передаетъ мои мысли и въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо навязываетъ мнѣ такія мысли, которыхъ я нигдѣ никогда не высказывалъ и высказывать не могъ. Будемъ кратки и прямо перейдемъ къ иллюстраціямъ.

1. По старокатолическому воззрѣнію наличную вселенскую церковь составляетъ совокупность всѣхъ истинно вѣрующихъ, разсѣянныхъ по частнымъ церквамъ и не имѣющихъ, но ожидающихъ, по обѣтованію Господа (Іо. X, 16), единой внѣшней церковной организаціи. Такимъ воззрѣніемъ предполагается нѣкоторая возможность, въ исключительныхъ случаяхъ, существованія церкви (невидимой) безъ внѣшней видимой организаціи. Наоборотъ, понятіемъ А. Гусева о церкви, въ которомъ бытіе церкви приурочивается къ ея внѣшней организаціи, къ видимой сторонѣ, абсолютно отрицается возможность существованія церкви безъ видимой организаціи. Было бы непроситильнымъ упущеніемъ съ моей стороны не представить никакихъ доказательствъ возможности бытія невидимой церкви въ отдѣльности отъ видимой и оставить безъ всякихъ возраженій взглядъ А. Гусева по этому предмету, а потому все это и было сдѣлано мною въ статьѣ „Старокатолическій вопросъ въ его новомъ фазисѣ“ (*Богосл. Вѣстн.* 1904, № 2, стр. 298—305, особ. 300—303; ср. брош. стр. 18—25, особ. 20—23). Не стѣсняясь этимъ, А. Гусевъ сообщаетъ, что я не представилъ ни одного „хотя бы слабаго возраженія противъ (его) взгляда“ и ограничился только одною „выходкою“,—заявленіемъ, что въ настоящее время земная вселенская церковь не имѣетъ внѣшней организаціи, никакого органа для выраженія совокупной вѣры и воли церкви, каковымъ былъ и можетъ быть только вселенскій соборъ; что ничего нѣтъ похожаго на организацію даже среди единовѣрныхъ церквей востока, лишенныхъ взаимнаго общенія и живущихъ особнякомъ, если не считать общеніемъ случайный и рѣдкій обмѣнъ пись-

мами представителей церквей ¹⁾. Этотъ фактъ названъ „выходкою“ и далѣе во всей аргументаціи моего воззрѣнія на церковь А. Гусевъ останавливаетъ свое вниманіе только на „выходкѣ“, т. е. на одномъ аргументѣ, оставляя безъ вниманія всѣ другіе въ вышеуказанныхъ мѣстахъ статьи ²⁾!

1) *Правосл. Собес.* 1904, № 5, стр. 722—723.

2) Здѣсь все усилія „богослова - полемиста“ направляются къ тому, чтобы разными соображеніями сдѣлать то, что сдѣлать невозможно: уничтожить очевидный фактъ отсутствія организованнаго общенія церквей востока, которое сознается теперь и представителями ихъ; такъ, въ отвѣтъ церкви іерусалимской на окружное посланіе патріарха константинопольскаго Іоакима III такое общеніе мыслится пока только как ріиш desiderium, но не какъ фактъ (*Церковный Вѣстникъ* 1904, № 35, стр. 1113—1115). Соображенія А. Гусева здѣсь могутъ быть только упомянуты, какъ доказательство вреда отъ безцеремоннаго обращенія съ истинною и съ законами логики. Средствомъ для выраженія совокупной, воли и вѣры церквей востока, или всей вселенской Церкви (по Гусеву) въ ея настоящемъ состояніи являются... памятники ея прошлой вѣручливой дѣятельности, именно *Православное исповѣданіе и Посланіе восточн. патріарховъ!*—Для вселенской церкви, какъ живого союза, необходима внѣшняя организація; „а необходимо долженствующее быть развѣ можетъ когда либо вовсе не существовать?“ вопрошаетъ А. Гусевъ. Слѣд., оно есть! Справки съ фактами исторіи и дѣйствительности замѣнены великолѣпнымъ силлогизмомъ съ заключеніемъ отъ необходимаго или желательнаго къ дѣйствительному! Повиновеніе законамъ логическаго мышленія необходимо „долженствуетъ быть“ во всѣхъ произведеніяхъ человѣческаго слова, но „Послѣднее слово“ А. Гусева не позволяетъ заключать здѣсь отъ необходимаго къ дѣйствительному.— Смѣшеніе желательнаго и возможнаго въ мышленіи А. Гусева съ дѣйствительнымъ выступаетъ еще яснѣе изъ дальнѣйшихъ его разсужденій. Органъ для выраженія совокупной воли и вѣры всей церкви есть и теперь; и теперь есть вселенскій соборъ (?). Возможность и желательность вселенскаго собора признаны и патр. константинопольскимъ въ посланіи къ св. Синоду, и отвѣтнымъ посланіемъ св. Синода. „А тотъ прискорбный фактъ, что со времени послѣдняго вселенскаго собора, бывшаго въ Никее, досель не собиралось новаго собора, вѣдь зависѣтъ и зависитъ отъ особыхъ внѣшнихъ причинъ, лежавшихъ и лежащихъ внѣ воли вождей наличной вселенской церкви“. (См. *Прав. Соб.* 1904, май, 724—725). Другими словами, вселенскій соборъ есть и теперь, потому что онъ желателенъ и возможенъ, но все таки его нѣтъ, и при всемъ желаніи „вождей (?) вселенской церкви“ вселенскій соборъ досель ни разу не могъ собраться!!! „Отъ всякаго труда есть прибыль, а отъ пустословія только ущербъ“ (Притч. XIV, 23)—вотъ единственная истина, наглядно подтвержденная и доказанная всеми разсужденіями А. Гусева по поводу „выходки“!

„Обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что о. Свѣтловъ ссылается на сочиненіе митроп. Филарета: *Разговоръ между испытующимъ и увѣренными*, но совершенно уклонился отъ всякихъ справокъ съ ученіемъ его *Катихизиса* о церкви, изложенномъ при изъясненіи IX-го члена Символа вѣры“ (апр. 605). Да, этотъ „фактъ“ обращаетъ на себя вниманіе: въ обѣихъ статьяхъ своихъ я всюду ссылаюсь на этотъ *Катихизисъ* для разъясненія православнаго ученія о церкви,—и въ статьѣ „О новомъ мнимомъ препятствіи къ единенію старокатоликовъ и православныхъ“ (*Богосл. Вѣст.* 1903, май, 142 и брош. 9), и въ другой статьѣ: „Старокатолическій вопросъ въ его новомъ фазисѣ“ (*Богосл. Вѣстн.* 1904, февр., 288, 303, 304 и др.; ср. брош. 8, 23, 24).

2. Повтореніе разобранныхъ или опровергнутыхъ мною аргументовъ у А. Гусева наблюдается на протяженіи всей его статьи, но я приведу нѣсколько примѣровъ. Нельзя доказывать „средневѣкового воззрѣнія“, что вся вселенская церковь заключена въ церкви восточной, католическимъ самосознаніемъ восточной церкви, выражающимся въ ея богослуженіи, ибо „оно вѣдь почти все (какъ это г. Гусевъ упустилъ изъ виду?!)) относится по своему происхожденію ко времени нераздѣленной церкви!“ (О новомъ мнимомъ препятствіи“ etc. стр. 11 и (*Богосл. Вѣстн.* 1903, май, 144). Несмотря на это, именно такимъ способомъ А. Гусевъ продолжаетъ доказывать свой взглядъ на наличную вселенскую церковь, не сдѣлавши нигдѣ и попытки разсмотрѣть мое возраженіе: оно замолчано и остается неустраненнымъ (См. *Прав. Собес.* 1904, стр. 598, 593 и др.

Молитвою о соединеніи церквей (въ великой ектеніи) предполагается фактъ нѣкогда происшедшаго и нынѣ продолжающагося раздѣленія церкви на восточную и западную, ибо молитвы о соединеніи церквей не имѣли бы смысла безъ существованія раздѣленія церквей и безъ бытія самой церкви на западѣ. Попытка истолковать молитву церкви въ смыслѣ „средневѣкового воззрѣнія“ была тщательно мною разсмотрѣна и опровергнута во второй статьѣ: Старокатолическій вопросъ въ его новомъ фазисѣ“ (брош. стр. 13—14 и *Богосл. Вѣстн.* 1904, февр., 293—294),—Гусеву и слѣдовало бы, кажется, считаться съ моими возраженіями здѣсь. Но, что же онъ дѣлаетъ? Предпочитаетъ воспроизвести

разобранное мною объясненіе прошенія ектеніи и присоеди- нить къ нему еще и свои комментаріи безъ предваритель- наго разсмотрѣнія моихъ возраженій! Читателямъ статьи А. Гусева ни единымъ словомъ не дается знать о существо- ваніи такихъ возраженій и препятствій для пространныхъ разсужденій А. Гусева по поводу ектеніи. Оставляю потому и я ихъ безъ вниманія (*Прав. Собес.* 1904, апр., 592—594)¹⁾.

3. Желаніе А. Гусева приписать мнѣ недостатки, кото- рыми онъ самъ такъ явно страдалъ, мѣшало ему правильно передавать мои мысли. Оказывается, я „отожествляю съ са- мой церковью Стоянова“, „отожествляю съ голосомъ церкви превратно (мною) истолковываемыя слова нѣкоторыхъ бого- слововъ“, находя общую точную формулу возрѣнія восточ- ной церкви на западную церковь въ ея отношеніи къ церкви вселенской у І. Л. Янышева и т. д. (апр. 602—603, 588). Наравнѣ съ А. Гусевымъ точно также и единомышленникъ его проф. В. Керенскій счелъ возможнымъ придать такое значеніе моей выпискѣ изъ статьи Т. Стоянова (въ *Взръ и Раз.* 1885, т. I, стр. 180—191). какого она не имѣетъ,—будто „киевскій профессоръ (т.-е. я) надѣется защитить авторите- томъ г. Стоянова“ старокатолическое ученіе о вселенской церкви, въ частности ту мысль, что восточная церковь не представляетъ собою всей вселенской церкви, а потому да- лѣе на четырехъ страницахъ г. Керенскій занимается све- деніемъ къ нулю богословскаго авторитета Стоянова, чтобы подорвать сказанное мною по вопросу (*Прав. Собес.* 1904, мартъ, 446—450). Въ опроверженіе этого ложнаго сообщенія о „словахъ“ Стоянова, какъ о чемъ-то въ родѣ основанія моего возрѣнія по вопросу о церкви и объ усвоеніи ему значенія какого-то „авторитета“ въ вопросѣ приходится ото- слать читателей къ подлиннику, т.-е. къ ст. моей „Старока- толическій вопросъ въ его новомъ фазисѣ“ (*Богосл. Вѣстн.* 1904, февр., стр. 308—310 и 28—30). Выдержка изъ статьи Т. Стоянова предназначалась никакъ не для обоснованія ка- кого-либо положительнаго рѣшенія вопроса о томъ, гдѣ все-

¹⁾ Обычное пониманіе ектеніи въ смыслѣ моленія о соединеніи раздѣ- ленныхъ церковей востока и запада встрѣчается, между прочимъ, и у *моск. митр. Филарета*: „Разговоръ между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи Восточной Греко-Россійской церкви“. Москва 1833, изд. 2-е, стр. 135—136.

ленская церковь, а лишь для иллюстраціи факта „отсутствія вселенскаго самосознанія“ въ восточной и въ частности русской церкви или, другими словами, для опроверженія пресловутаго довода въ пользу отождествленія восточной церкви со вселенскою церковью отъ существованія будто бы „вселенскаго самосознанія“ въ восточной церкви. Я отмѣтилъ фактическую неправильность этого довода, т. е. примѣрами разногласія по этому вопросу въ восточной греко-россійской церкви я показалъ, что въ дѣйствительности такого самосознанія нѣтъ. Если и существуетъ, говорилъ я, „въ настоящее время среди русскихъ богослововъ такъ сказать вселенское самосознаніе“ и мнѣніе о тождествѣ восточной церкви со вселенскою нынѣ провозглашается истиною святою, то совершенно иначе обстояло дѣло восемнадцать лѣтъ тому назадъ, и иное настроеніе тогда господствовало въ той же самой духовной печати; а въ доказательство этого я сослался на статью Стоянова въ журналѣ *Вѣры и Разумъ* 1885. Очевидно, ни имя автора, ни вопросъ о его богословскомъ авторитетѣ, ни тѣмъ болѣе надобность въ подкрѣпленіи моего взгляда статьями *Вѣры и Разума* въ данномъ случаѣ не играли рѣшительно никакой роли. Выдержку изъ журнала я заключаю общимъ выводомъ, изъ котораго ясно видно, для чего она была сдѣлана ¹⁾.

„Напрасно новый о. докторъ богословія“, пишетъ А. Гусевъ, воображаетъ, будто для нравственной жизни безразлично имѣть правую или не правую вѣру“, и на цѣлыхъ страницахъ далѣе занимается посильнымъ опроверженіемъ навязаннаго мнѣ нелѣпаго мнѣнія; для чего онъ не мало страницъ могъ бы найти въ моихъ сочиненіяхъ, гдѣ мнѣ приходилось отстаивать нравственное значеніе христіанскихъ догматовъ противъ адогматизма. Никакихъ слѣдовъ чего-либо подобнаго этому мнѣнію нѣтъ и въ статьяхъ по старокатолическому вопросу. Сообщение Гусева относится къ области фантастическаго, хотя и не красиваго, вымысла (См. *Правосл. Собес.* 1904, май, 717—719).

¹⁾ Что касается протопр. І. І. Янышева, то, какъ это видно изъ *Богосл. Вѣстника* 1903, май, 139, 140, я его „отожествляю“ не съ церковью, а съ лучшими богословами русской церкви, въ „словахъ“ которыхъ ученіе и вѣра православной церкви находятъ лучшее выраженіе, чѣмъ въ статьяхъ А. Гусева, В. Керейскаго и др.

Такимъ же вымысломъ я долженъ назвать сообщеніе А. Гусева, коимъ мнѣ приписывается „чисто еретическая“ (а въ сущности прямо—нелѣпая) мысль о раздѣленіи единой Вселенской церкви на двѣ отдѣльныя и противоположныя половины и „глумленіе надъ ученіемъ церкви“, „вселенскаго собора и церковнаго преданія о нераздѣлимости вселенской церкви“, которое именно я назвалъ будто бы „парадоксомъ“ (апр. 591, 596). Ложное свое сообщеніе объ отрицаніи мною *единства* церкви, одного изъ существенныхъ свойствъ ея по ученію церковному (чл. IX симв. вѣры). А. Гусевъ въ настоящемъ случаѣ сопровождается выраженіемъ своего негодованія по адресу даже и журнала, давшего мѣсто моей статьѣ. Оно ложно, потому что приписаннаго мнѣ дѣленія вселенской церкви на двѣ церкви нигдѣ нѣтъ въ моихъ статьяхъ, и рѣчь въ нихъ идетъ лишь о видимомъ раздѣленіи *видимой* земной вселенской церкви при существованіи внутренней и невидимой связи церковей востока и запада въ основномъ и существенномъ, въ „единой основѣ, связующей ихъ въ единый христіанскій міръ“. Такое представленіе раздѣленія въ церкви поясняется у меня и наглядно сравненіемъ, такъ что ни къ какимъ недоразумѣніямъ не было дано мною повода какою-либо недоговоренностью и неясностью мысли („О новомъ мнимомъ препятствіи“ etc. брош. 11—12 и *Богосл. Вѣстн.* 1903, май, 144—145). Парадоксомъ я называлъ не ученіе церкви или отцевъ церкви, а странное во всѣхъ отношеніяхъ и изобрѣтенное А. Гусевымъ возрѣніе, коимъ отрицается фактъ раздѣленія церкви и возможность всякаго въ ней раздѣленія, даже въ смыслѣ, указанномъ мною (*неполнаго* раздѣленія при нѣкоторомъ, вѣдомомъ Богу, единствѣ). Называя свой парадоксъ ученіемъ отцевъ церкви Кипріана, Евсевія, Иларія, Иеронима и др., А. Гусевъ упустилъ изъ виду одно обстоятельство: его мнѣніе о нераздѣльности церкви не есть „передача смысла IX члена символа вѣры и разсужденій о церкви св. Кипріана“ и др. и не могло принадлежать отцамъ церкви по той простой причинѣ, что до раздѣленія церкви они не могли рѣшать конкретнаго вопроса о взаимномъ отношеніи восточной и западной церковей, а могли заниматься рѣшеніемъ лишь принципіальнаго во-

проса и установкою общаго понятія о единствѣ церкви, нашедшаго себѣ мѣсто въ символѣ вѣры.

Впрочемъ, ложное сообщеніе А. Гусева, коимъ мнѣ приписывается нелѣпная мысль о раздвоеніи всегда единой въ себѣ вселенской церкви на двѣ отдѣльныя половины, отчасти, можетъ-быть, слѣдуетъ объяснить недомысліемъ нѣкотораго рода и неспособностью А. Гусева стать на слишкомъ чуждую ему точку зрѣнія противника въ вопросѣ о церкви и понять его.

4. Это заставляеть меня обратиться къ указанію ошибокъ А. Гусева въ ученіи о церкви, оказавшихъ печальное вліяніе на его разсужденія по вопросу о церкви и даже на передачу мыслей его противниковъ.

Прот. П. Свѣтловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

